

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 62–67

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 62–67

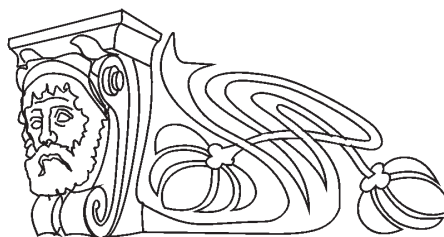
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-62-67>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-32+929Тхоржевский

«Неохотники на охоте». Особенности художественного мира К. В. Тхоржевского

И. В. Пырков

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Пырков Иван Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, allekta@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3480-3824>

Аннотация. В статье анализируется творчество малоизученного писателя XIX в. Корнелия Владиславовича Тхоржевского, в частности, на примере рассказа «Неохотники на охоте» рассматривается поэтика самобытного автора колоритных зарисовок из военной жизни, рассказов, повестей, очерков. Целевая установка исследования заключается в поиске ответа на вопрос о месте писателя К. В. Тхоржевского в литературном процессе, об особенностях его авторского стиля, своеобразии поэтики его художественного наследия. При этом особое внимание уделяется пейзажным характеристикам, портретам, авторской иронии, свойственной писателю интонационной многомерности и языковой пластичности. В процессе исследования выясняется, что произведения К. В. Тхоржевского, до сих пор мало известные широкому читательскому кругу и не становившиеся предметом специальных разысканий специалистов-филологов, имеют целый ряд очевидных художественных достоинств, в немалой степени отражая специфику «рыбацкой» и «охотничьей» прозы, у истоков которой находились С. Т. Аксаков, Л. П. Сабанеев и др. Повесть «Неохотники на охоте», написанная по впечатлениям от походной военной жизни, в полной мере раскрывает творческий потенциал писателя: автор предстаёт человеком наблюдательным, знающим и любящим родную природу, тонко чувствующим психологические нюансы при обрисовке человеческих характеров. Авторский голос, звучащий в ироничной тональности, не лишён, что принципиально важно для рецепции литературного наследия яркого мастера «походной прозы», мягких лирических нот. Проведённый анализ творческого метода писателя, коррелирующего с фактами его биографии, позволяет сделать вывод о целесообразности переиздания лучших произведений К. В. Тхоржевского.

Ключевые слова: К. В. Тхоржевский, рассказы из военной жизни, пейзаж, портрет, ирония, языковой колорит, литературный процесс, рыбная ловля, охота, русская природа, Волга

Для цитирования: Пырков И. В. «Неохотники на охоте». Особенности художественного мира К. В. Тхоржевского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 62–67. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-62-67>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Non-hunters on a Hunt. Features of the artistic world of K. V. Thorzhevsky

I. V. Pyrkov

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia.

Ivan V. Pyrkov, allekta@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3480-3824>

Abstract. The article analyzes the work of the understudied writer of the 19th century, Korneliy Vladislavovich Thorzhevsky, in particular, the poetics of the author's unique colorful sketches from military life, short stories, novellas, essays is considered on the example of the story *The Non-Hunters on a Hunt*. The aim of the research is to find an answer to the question about the place of the writer K. V. Tchorzhevsky in the literary process, about the peculiarities of his author's style, the originality of the poetics of his artistic heritage. Special attention is paid to landscape characteristics, portraits, author's irony, intonational multidimensionality and linguistic plasticity of the writer. In the course of research, it was revealed that the works of K. V. Thorzhevsky, still little known to the general reader and not being the subject of special research by philologists, have a number of obvious artistic merits, largely reflecting the special features of 'fishing' and 'hunting' prose; the first writers to introduce this prose were S. T. Aksakov, L. P. Sabaneev, etc. The novel *The Non-Hunters on a Hunt*, based on impressions from the military life, fully reveals the creative potential of the writer: the author appears as an observant person who knows and loves local nature, who is sensitive to psychological nuances when describing human characters. The author's voice, sounding in an ironic tone, is not without soft lyrical notes, which is fundamentally important for the reception of the literary heritage of the vivid master of 'hiking prose'. The analysis of the creative method of the writer, correlating with the facts of his biography, allows us to conclude that it is expedient to republish the best works of K. V. Thorzhevsky.

Keywords: K. V. Tchorzhevsky, stories from military life, landscape, portrait, irony, linguistic color, literary process, fishing, hunting, Russian nature, the Volga

For citation: Pyrkov I. V. *Non-hunters on a Hunt. Features of the artistic world of K. V. Thorzhevsky. Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss.1, pp. 62–67 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-62-67>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Имя Корнелия Владиславовича Тхоржевского (1858–1896) – героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг., автора многочисленных рассказов о солдатской жизни, повестей, очерков, публиковавшихся в «Ниве», «Русском вестнике», «Гражданине», «Саратовском листке», редактора журналов «Русь» и «Воскресенье», заботившегося о развитии народного чтения, наконец, страстного охотника и рыболова, создавшего вдохновенно-поэтические книги об «уженье рыбы», – не осталось, конечно же, за ватерлинией литературного процесса, заняло своё место в ряду отечественных литераторов конца XIX столетия [1].

Однако изучение творческого наследия писателя, рецепция его художественного метода и осмысление роли самобытного автора в отечественной словесности, остаётся, по-видимому, делом ближайшего будущего. Действие абсолютного большинства произведений Тхоржевского разворачивается на фоне исчезнувшего ныне пейзажа, что актуализирует творческое наследие автора. Волга, ещё не ставшая рукотворным морем, стремительные Воложки, бесчисленные волжские острова с богатой флорой и фауной, полные разнообразной рыбы заливные озёра – всё это составляет особый интерес для сегодняшнего читателя, являясь частью ушедшей навсегда природы. Если в двадцатом веке Д. С. Лихачёв скажет о том, что следует «брать под охрану не только литературные памятники, но и целые пейзажи <...>» [2, с. 404], и сформулирует жизненно важное требование для сохранности культурно-исторического и природного ландшафта: «Пейзажи России должны быть учтены», то в наследии Тхоржевского мы видим пейзаж *не сохранённый*, пейзаж *утраченный*. В этом смысле рассказы Тхоржевского сближаются с прозой С. Т. Аксакова, но Тхоржевский, претендуя на философскую широту и общечеловеческую масштабность жизненных картин, находит свою неповторимую интонацию, гармонично соединяющую иронично-бытовое и возвышенно-лирическое, по-своему дополняя одну из главных тем русской литературы – человек и природа.

Проведя детство и юность на волжском берегу (Корнелий Тхоржевский происходил из дворян Саратовской губернии, учился в Саратовской гимназии, а затем окончил Казанское пехотное юнкерское училище), писатель, родившийся в семье потомственного военного, через всю свою недолгую жизнь, всецело отданную служению родине, пронёс негасимую любовь к родной природе. Волга, Цна, Дон, лодки, вёсла, бакены, «удилица», «леса», «наплавок» – всё это для Тхоржевского, участвовавшего в боевых действиях и повидавшего немало жестокости на своём веку,

было, вполне возможно, главным душевным отдохновением, неоскорбляемой частью его души, говоря по-Пришвински [3, с. 669]. К. В. Тхоржевский в книге «Уженье рыбы. Описание рыб. Способ ловли их удочкой и другими охотничьими орудиями. Рассказы из жизни охотников за рыбой» подробно говорит о самом сложном периоде в его судьбе, когда сначала служебные обязанности, потом жестокая война отлучили его от рыбной ловли на долгих пять лет. «Сначала я очень скучал и даже тосковал <...> затем свыкся <...>. Другой раз и приходило в голову – дай, мол, пойду посмотрю, чем это я так увлекался <...>; несколько раз собирался, даже удочки приобрёл, да так и не мог собраться: то придёт кто-нибудь – задержит, то просто лень станет» [4, с. 158].

Но по воле случая оказавшись на берегу живописного волжского залива с удочкой в руках, автор испытывает внутреннее преображение, его внимание, благодаря возродившейся рыболовной страсти, фокусируется на красоте и гармонии окружающего мира:

«Заливчик оказался и на самом деле чудесным: не заливчик, а восторг один!..

Выбрали на бережку местечко поудобнее, пристали и принялись за ловлю.

Размотал я одну удочку <...> поплавок мой как запрыгает и пошёл в сторону <...> у меня так сердце и оторвалось <...>.

Господи! Так у меня и просветлело на душе – точно я двести тысяч выиграл!..

С этой минуты я всё своё свободное время стал посвящать уженью и обратился в самого страстного рыбака, одним словом, погиб совсем!.. и для общества, и для удовольствий, и для карт, – совсем погиб для всего этого, зато сколько счастливых минут я испытал!.. И я уверен, что многие сильные мира сего, люди богатые, имеющие возможность бросать без всякого для себя ущерба на ветер тысячи, и в сотую долю не испытали такого количества счастливых минут, какими воспользовался я...» [4, с. 159].

Для К. Тхоржевского общение с природой становится особой философией, частью мировоззрения. Автор искренне противопоставляет тихое времяпрепровождение с удочкой на берегу всем житейским соблазнам и привычным обывательским ценностям. Даже *любовная* страсть не оказывается сильнее страсти *рыболовной* («Ах, лишь, лишь! Сколько ты горя доставил мне когда-то!.. Я думаю, я уверен даже, что есть много людей, которые менее потерпели огорчения от измены любимой женщины, чем я перетерпел через тебя, чёрт возьми!..» [4, с. 149]). Ментальный смысл такого неожиданного сопоставления важен для опреде-

ления художественного почерка писателя, для понимания эстетических и нравственных законов, на которых основывается его художественный мир. О чём бы ни писал Корнелий Тхоржевский, какую бы тему ни раскрывал в своём творчестве, мотив единения с природой, гармоничного слияния с ней ощутим в каждом его произведении.

Рассказ «Неохотники на охоте» – не исключение. Его незамысловатый линейный сюжет приближает повествование к очерковой форме. Вместе с тем писатель перестраивает рамки традиционной очерка, придавая своему повествованию лирическое звучание. У офицеров, находящихся в очередном походе, выдаётся свободный день, погода стоит жаркая, и друзья-сослуживцы решают отправиться на вёсельной лодке через Волгу на близлежащий тенистый остров, прихватив с собой удочки, ружья, невод и прочий скарб для небольшого путешествия. Самым опытным рыбаком и охотником оказывается автор, а вот его друзья совершенно не приспособлены к природной жизни – и вёсел в руках никогда не держали, и через бурную Волгу не переправлялись, и рыбу не удили, и уток не били. Отсюда и название рассказа, и добрая ирония в авторском голосе. «Неохотники на охоте» – это история о людях, не захваченных рыболовной и охотничьей страстью, но решившихся отправиться в маленькое волжское путешествие, положившись только на свои силы. Автор умело использует приём контраста, изображая героев в непривычном для них ландшафтном окружении, что привносит в рассказ элементы юмора и иронии. Добравшись до острова, друзья разбивают палатку и отправляются на охоту и рыбную ловлю. Их «вылазка» складывается успешно, охота и рыбная ловля удаются, но обратно им приходится идти ночью – на следующее утро назначены какие-то важные учения с участием высокопоставленных военных чинов. Ночной путь, вверх по Волге, против течения, оказывается сложным, лодка садится на мель, ломаются вёсла, но всё заканчивается благополучно – «неохотники» и их наставник прибывают в лагерь.

Как видим, сюжетная линия довольно простая, автор, казалось бы, ограничен в создании художественно убедительных образов – нет глубокого конфликта, который позволил бы проявить себя героям. Тем не менее Тхоржевскому удаётся не только создать запоминающиеся, художественно выпуклые образы, но и уловить интонацию волжского неповторимого дня, запечатлеть время в своём живописном рассказе.

Корнелий Тхоржевский пишет «негромко», ему чужды шумные бравады и громогласные реплики. Автор не делает выводов, не навязывает читателю своего мнения. Он просто делится своими воспоминаниями, делится ненавязчиво и непредвзято, говорит о том, что было когда-то и что ему запомнилось особенно ярко. Интонация

воспоминания создаёт зазор между автором-рассказчиком и автором-участником событий. То есть писателю свойственен взгляд на происходящее и на себя самого со стороны, что привносит в поэтику Корнелия Тхоржевского и мягкую иронию, и тонкую лиричность, и негромкую манеру изложения.

Характерно, что Тхоржевский самое пристальное внимание уделяет образу тишины: «Что за прелесть стоять на перелёте в тихий, тёплый вечер! Я наслаждался. Да и как было не наслаждаться?! Кругом тишина – ветер не шелохнет, не дунет; камыш, точно окаменелый, распустив свои мечеобразные листья, стоит неподвижно; озеро – гладкое, светлое – отражает в себе и берег, и небо, и всё, что находится над ним и вокруг него, точно громадное зеркало» [4, с. 21–22]. К этой умиротворяющей, завораживающей тишине автор приходит не только после громкой и бурной переправы через волжскую быстрину, он приходит к ней после грохота атак и свиста пуль, после грозного шума уносящих жизни минувших баталей. Такова специфика художественного метода писателя – мастера пейзажа, вкладывающего в него глубокий философский подтекст.

Пейзажные характеристики – далеко не единственная сильная сторона Корнелия Тхоржевского. Автор выступает как замечательный портретист, он создаёт образы рельефные, художественно выпуклые. Кроме автора, на остров, весьма напоминающий по рельефу Беклемишевский (ныне Зелёный, неподалёку от Саратова), решают перебраться подпоручик Меленко, офицеры Севрюгин, Семёнов и Ржевич. «Он был охотник и рыбак, – что угодно, но главным его удовольствием было не рыбу ловить, не дичь стрелять, а готовить из того и другого кушанья, – рассказывает автор о Меленко. – Его шашлыки и раковые окрошки <...> славились на всю бригаду <...>» [4, с. 2]. Меленко показан в рассказе «истинным артистом» полевого кулинарного мастерства. Когда нужно было толочь раков для окрошки, догадливый Меленко, «за неимением песта», использовал «кол от палатки» [4, с. 2]. Офицер Ржевич, «человек не от мира сего, громадного роста, но, по крайней молодости лет, ещё не сложившийся, хотя, тем не менее, слыл у нас “серьёзным, образованным” <...>. В миру он был человек невозможной честности, наивности и непрактичности» [4, с. 6]. Ещё в компанию входил Севрюгин – «красивый <...> любивший “пожить”, не дурак выпить», и Семёнов – “gallant cavalier”, как его звали в полку» [4, с. 6].

Пластические рисунки и речевые портреты персонажей Тхоржевского совершенно разные. Меленко нарисован размашисто, он щедр на добрую шутку, хотя и легко обижается, когда шутят над ним. Движения молчаливого философа-фаталиста Ржевича внезапны и решительны, если он что-то решает, то никто не сможет его отговорить.

«Стой!.. Стой!.. – закричал вдруг Ржевич, когда лодка сошла на воду.

– Что такое?

– Бредень возьмите!

– Зачем?

– Я рыбу ловить буду».

Для того, чтобы услышать тонкую иронию авторского голоса, да и прочувствовать атмосферу момента, важно обратить внимание на авторские комментарии, иллюстрирующие его отношение к происходящему.

«– Неужели ты знаешь, что такое бредень? – изумился я, но он даже и ответом не удостоил меня» [4, с. 10].

Франт Семёнов весь сияет и светится, будто бы он собрался не на охоту и рыбную ловлю, а на какой-нибудь светский раут. Или на бал. Даже сапоги на нём «лаковые». Автор замечает, что «при первых же шагах по болоту» изящные сапоги Семёнова «должны были расклеиться и развалиться» [4, с. 8]. Один только Севрюгин «напоминал собою охотника», причём охотника исключительно «воскресного», т. е. такого, который «дупеля не отличит от бекаса» [4, с. 8]. Когда автор просит Севрюгина не пускаться в предстоящую авантюру, тот отвечает не без гордости: «Я на Волге вырос!»

Волга в рассказе объединяет героев, её образ становится постоянной художественной величиной. В начале повествования автор хочет отказаться от волжской прогулки в компании столь неопытных охотников, «но Волга так привлекательно катила свои волны <...> так было прохладно и хорошо около воды» [4, с. 8], что авторский скепсис побеждается перспективой оказаться в жаркий, душный день среди волжской прохлады. Колоритно изображена автором и ночная Волга: «...почти гладкая, бесшумно катила она свои тёмные волны, на гребешках которых почти волшебными огоньками вспыхивали отблески костра...» [4, с. 22]. Говоря о Волге, писатель весьма точен в деталях – волжский берег и рыболовецкий словарь знакомы ему с детства. «...на воде было хорошо; но <...> я с ужасом помышлял об обратном возвращении <...> на обратном пути нам предстояло бороться с чрезвычайно сильным течением, которое в некоторых местах рвало так, что и в две пары было трудно продвигаться вперёд...» [4, с. 11]. Для словаря волгарей глагол «рвать», относящийся к силе течения, понятен и привычен. Автор не просто упоминает о бредне – он называет важнейшие составные части этого древнего орудия лова: «кляча», т. е. шест, «к которому прикреплено полотно бредня», «крыло» [4, с. 15].

Литературное дарование К. Тхоржевского наиболее полно проявляется в эпизодах, связанных непосредственно с рыбной ловлей или охотой. Так, в «Неохотниках на охоте» колоритно изображена сцена, в которой Меленко и Ржевич решают сделать несколько «забродов», т. е. ловят

рыбу бреднем. Флегматичный молчун Ржевич, подойдя к кромке воды, неожиданно, как всегда, «бросил свой конец бредня, не предупредив Меленко, который <...> получил ушиб руки, – и пристально уставился в озеро...» [4, с. 15]. Видимо, озёрная вода понравилась офицеру-философу, и он, не умея толком плавать, заявил: «Я в глубину хочу!» [4, с. 15]. Напрасно Меленко удерживал напарника. «Ржевич <...> влез в воду чуть не по уши и с изумительной лёгкостью, которая доказывала его могучую силу, потащил крыло; Меленко кричал, суетился, учил...» [4, с. 16].

«Заброд» вышел удачным: множество раков такой величины, что, «по уверению Меленко, на любом из них можно было до бивака верхом доехать» [4, с. 14], десяток отличных карасей и огромная щука. Разнообразие рыбы свидетельствует о том, что озеро на острове – заливное, т. е. весной, когда Волга широко разливается, в него на икромёт заходит самая разнообразная рыба. Отсюда и соседство карасей со щуками.

Ржевич, увидев бьющуюся на берегу рыбину, опять бросил свою «клячу», из-за чего оставшаяся добыча благополучно уплыла, вышел из воды и начал внимательно глядеть на щуку. «Одной улыбки Ржевича и того, что он заинтересовался щукой, было достаточно, чтобы понять, как доволен наш философ» [4, с. 16].

Автор не упускает случая подметить в действиях своих «неохотников» нечто забавное, контрастирующее с реалиями дикой природы. «Позади <...> шёл Семёнов в своих лаковых сапогах, белоснежной фуражке сверкая накрахмаленной сорочкой с изящными дорожными запонками и, по-видимому, был очень удивлён, что <...> берег не устлан паркетом, а покрыт корягами, кочками и пеньками...» [4, с. 14]. «Отличается» и Севрюгин. Автор, помимо уток, добывает «прекрасного бекаса» – в девятнадцатом веке заливные озёра на волжских островах были полны птицей (утками, бекасами, вальдшнепами) – и «воскресный охотник», «щурия глаза не потому, чтобы был близорук, а просто для “тона”, по своей скверной привычке светского кавалера», вопрошает: «– Что это за птичка?» Автор обижается на такое пренебрежительное и совершенно не профессиональное словечко: «– Сам ты птичка! <...> Это не птичка, а – бекас!» [4, с. 18].

История русской литературы знает немало примеров, когда произведения об охоте и рыбной ловле перерастают частную тему рыболовно-охотничьих страстей, становясь драгоценным достоянием отечественной словесности. Из охотничьих походов рождаются гениальные тургеневские «Записки охотника», стихи Некрасова. Один из последних очерков Гончарова, «Уха», посвящён выезду горожан-симбирян в пойменные луга, на заливные озёра. «Записки об ужении рыбы» С. Т. Аксакова становятся своеобразной «иконой» для всех, «понимающих дело», как выразился

Майков, предвзяв своё известное стихотворение «Рыбная ловля». «Жизнь и ловля пресноводных рыб» Л. П. Сабанеева органично соединяет в себе сугубо научное и поэтическое начало [5]. Творчество Тхоржевского рождается не на пустом месте, относится к сложившейся литературной традиции.

Размышляя в «Уженье рыбы...» о превратностях судьбы, бросающей писателя-офицера «всю жизнь по разным уголкам нашего отечества» [4, с. 62], автор пишет: «... едва я немного поустроился в Саратове и начинал уже думать, не смиловился ли, наконец, надо мной рок и не оставил ли в покое, как вдруг, совершенно неожиданно, произошло такое обстоятельство <...> благодаря которому я должен был немедленно бросить всё: семью, хозяйство, дела и мчаться в Казань. Зачем так происходит на свете? Некрасов отвечает на это – “Чтоб человек не баловался”» [4, с. 63].

Итак, Тхоржевский – опытный литератор, знакомый с реалиями отечественной словесности. Автор цитирует, вполне возможно по памяти, одну из самых политически острых поэм Н. А. Некрасова «Несчастные» («Эпилог ненаписанной поэмы»), в некотором смысле проявляя широту своих социально-политических интересов [6]. Художественный мир Тхоржевского (вспомним об автобиографическом романе «Под сумрачным небом», не напечатанный по цензурным соображениям) не замыкается рамками охотничьих и рыболовных историй, тематическим кругом солдатского и офицерского быта. И всё же стихия писателя Тхоржевского далека от политических битв. Важнее, повторимся, другое. О природе, о человеке, вступающем с природой в диалог, рассказывает потомственный военный, побывавший в жестоких сражениях, награждённый за мужество орденом Святого Георгия и многими другими наградами. В рассказе «Неохотники на охоте» военно-полевые будни, учения и всё прочее, связанное со службой, почти полностью остаётся за скобками повествования, однако ощущение кратковременности тихой и спокойной минуты, обаяние будто бы украденного у немилостивого «рока» счастливого мгновения чувствуется и в диалогах, и в портретах, и в пейзажных зарисовках автора. С. Т. Аксаков в своей знаменитой книге поэтически рассказал о «прозрачных чертогах», в которых живут рыбы [7].

Тхоржевский, может быть и невольно, показал в своём творчестве, насколько хрупки и «чертоги» природы, и счастливые дни человеческой жизни. Тишина, о которой часто пишет автор, легко и быстро может быть разрушена, пейзаж, которым бы любоваться и любоваться вечно, – утерян. Вполне возможно, что мир Корнелия Тхоржевского созвучен ощущениям сегодняшнего читателя именно своей хрупкостью, художественно выраженной мыслью о трагическом непостоянстве всего гармоничного и прекрасного.

В «Уженье рыбы...» есть глава, посвящённая маленькой рыбке, которую «удят» обычно дети, – «Уклейка». Тхоржевский, подробно повествующий о повадках и об особенностях уклейки, незаметно смещает повествовательный план и начинает рассказывать о своём детстве: «Как теперь помню большое чистое озеро <...> На этом озере я, будучи десятилетним ребёнком, и начал свою рыболовную карьеру...». Завершается эта блестяще выписанная миниатюра характерным для автора лирическим отступлением: «Тридцать лет не был я на этом озере и до сих пор мечтаю попасть на него хоть на минутку, чтобы воскресить в памяти сцены своего детства, и уверен, если бы я попал туда когда-нибудь, то безошибочно указал бы даже тот микроскопический заливчик, в котором мы обыкновенно удили...»

А может быть, и заливчика этого давно уже нет!...» [4, с. 84].

В творчестве Тхоржевского ощутимо просветительское начало. Тема «Природа и человек» обретает у писателя глубокое нравственное наполнение. На природе человек становится другим, проявляет лучшие свои качества. Показателен в этом смысле эпизод из опубликованного в «Ниве» рассказа об охотничьих приключениях двух офицеров «За дупелями», в котором пожилой генерал смягчается душой, глядя на красоту весеннего мира: «Генерал невольно улыбнулся и вдруг всё лицо его прояснилось: он вспомнил свою молодость <...> к тому же и кругом всё было так хорошо, так тепло, ясно, светло; так манило подалее от душного города, от затхлых казарм, от пыльного плаца; так живоительно грело весеннее солнце, так легко дышалось речным влажным, так свежо и зелено выглядели берега реки, одевшиеся молодой изумрудной травой; так волшебным образом хорошо выглядел прибрежный лес, опушённый нежной прозрачной листвой – им вдруг овладело благодушное настроение духа <...>» [8, с. 406].

Корнелий Тхоржевский не просто воспеваёт окружающие пейзажи, он учит любви к природе, уважению к человеку, природу любящему. Вполне закономерно, что издаваемый П. И. Телепнёвым и К. В. Тхоржевским в Саратове иллюстрированный еженедельный журнал «Приволжский вестник охоты» с неизменным стихотворением об охоте или рыбной ловле, помещаемым на первой странице (публиковались П. Гнедич, А. Иванов, А. Коринфский, К. Тхоржевский и др.) [9], был популярен у широкого читательского круга. Как, собственно, и иллюстрированный журнал «Воскресение», редактором которого Тхоржевский стал в 1893 г., сделав акцент на просветительской миссии издания, на «чтении для народа».

Но вернёмся к «Неохотникам...». И рыбная ловля, и охота удаются на славу. Поздним вечером друзья собираются у костра, Меленко угощает всех ухой и варёными раками, он смешно суетится, нахваливает уху из той самой громадной щуки,

все живо делятся друг с другом впечатлениями о проведённом на вольном воздухе дне. Все говорят в один голос, что теперь каждый свободный день будут плавать на острова, удить рыбу, охотиться. И даже франт Семёнов, за один день потерявший весь свой салонный лоск, искренне восхищается красотой заката. «Я начинаю теперь понимать прелесть охоты! – литературно восклицает он, почти декламируя псевдоромантическую строку какого-нибудь салонного стихотворения. – Как хорошо кругом!» [4, с. 20]. И только Ржевич молча улыбается, полулёжа «на песке в задумчивой позе» [4, с. 23].

Настаёт пора возвращаться в лагерь.

Обратный путь по ночной реке превращается для друзей в опасное испытание. Лодка попадает на отмель, Ржевич ломает о песчаный нанос оба весла, пытаясь «спихнуться» с отмели. Вдобавок днище лодки пробивается, и герои вынуждены по одному спускаться в воду, держась за борта, чтобы их «дырявая посуда» не затонула вовсе. Они находят ещё одну мель и решают отдохнуть на ней, продолжая стоять в холодной воде по пояс. Автор не без ироничной улыбки замечает, как меняется настроение его товарищей: «– Никогда больше на охоту не пойду, – заявляет отчаявшийся Семёнов. – Чёрт с ней и с охотой!» [4, с. 32]. Его пытаются успокоить Меленко с Севрюгиным: «– Нужно стоять и ждать. ... – Чего же ждать-то?.. – совершенно отчаивается Семёнов, позабыв совершенно про красоту заката. – Чего же мы тут дождемся?.. Ведь эдак подохнешь тут!» [4, с. 32].

Но огоньки лагеря мелькают уже близко. К утру герои добираются до берега. И всё же на учения безнадежно опаздывают. Все прекрасно понимают, что ждёт их «гроза» – «разнос» от полковника, которому «досталось от командира полка», неизбежен. «Полковник начал нас “разносить”; мы стояли, держали под козырёк и, конечно, молчали; но едва он кончил, как Меленко вытянулся ещё больше и с приятно улыбкой произнёс:

– Г. полковник, позвольте вам доложить, – сейчас раки готовы будут.

– Что?.. какие раки? – не понял тот.

– Раков мы привезли, наловили, я сейчас их сварю; закусить милости просим!» [4, с. 36].

Далее в этом заключительном эпизоде проявляется мягкий и немного грустный стиль писателя Тхоржевского, многое пережившего, но не разочаровавшегося в жизни, видящего происходящее сквозь флёр воспоминаний, помнящего о «заливчике» своего детства, умеющего, не теряя ироничной улыбки, замечать в людях и окружающем мире светлое и доброе:

«Наш добрейший полковник не вытерпел, расхохотался, расхохотались и мы вслед за ним, исключая хохла, который удивлённо переводил свои большие глаза с одного на другого.

Гроза миновала» [4, с. 36].

В журнале «Исторический вестник» в 1896 г. был помещён скромный некролог, посвящённый памяти писателя, где, в частности, говорилось: «Корнелий Владиславович Тхоржевский, сотрудник многих газет, был не лишённым дарования беллетристом, рассказы которого <...> пользовались успехом. Тхоржевский уроженец Саратова, из дворян, скончался в чине полковника пограничной стражи. При объявлении войны в 1877 г. Тхоржевский с гимназической скамьи (в Саратове) поступил в Кавказскую действующую армию, отличился при штурме Карса <...>. Затем он служил в Саратове, Казани <...>. В соучастии с Тепленьвым им издавалась специальная охотничья газета “Приволжский вестник охоты”. Два–три года Тхоржевским редактировалась “Русь” князя Мещерского» [10, с. 830].

В 2021 г., спустя 125 лет со дня смерти писателя, мы не расширили свои представления о его личности и о его творческом мире. Хотелось бы выразить надежду на то, что произведения интересного, самобытного писателя Корнелия Тхоржевского будут переизданы, и их изучение выйдет на новый качественный уровень, соответствующий возможностям современной науки о литературе.

Список литературы

1. См.: *Трамбицкий Ю. А.* Тхоржевский Корнелий Владиславович // *Русские писатели, 1800–1917: Библиографический словарь* / гл. ред. Б. Ф. Егоров. Т. 6. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 342–343.
2. *Лихачёв Д. С.* Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л.: Советский писатель, 1989. 608 с.
3. *Пришвин М. М.* Дневники. 1936–1937. СПб.: Росток, 2010. 992 с.
4. *Тхоржевский К. В.* Уженье рыбы. Описание рыб. Способ ловли их удочкой и другими охотничьими орудиями. Рассказы из жизни охотников за рыбой. С.-Петербург: Тип. кн. В. П. Мещерского, 1895. 160, 51 с.
5. *Сабанеев Л. П.* Рыбы России: Жизнь и ловля наших пресноводных рыб. М.: Ред. сб. «Природа», 1874–1875. 660 с.
6. *Некрасов Н. А.* Эпизод ненаписанной поэмы // *Современник*. 1858. № 2. С. 241–266.
7. *Аксаков С. Т.* Записки об ужении рыбы. М.: Тип. Л. Степановой, 1854. 274 с.
8. *Тхоржевский К. В.* За дупелями // *Нива*. 1887. № 16. Т. 18. С. 404–411.
9. *Приволжский вестник охоты*. № 1–50, 1–16. Саратов: Тип. И. Глазунова и К°, 1890–1892.
10. *Исторический вестник*. 1896. Т. 65. 944 с.

Поступила в редакцию 08.10.2021; одобрена после рецензирования 30.10.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 08.10.2021; approved after reviewing 30.10.2021; accepted for publication 10.11.2021